

ГЛАВА 1

Гуров смотрел на жену и думал, что осень наступила в этом году вовремя и в полном соответствии со всеми признаками. Пожелтели деревья в парке, театр вернулся с каникул, и начались активные репетиции нового спектакля. И, как всегда, Мария отдает всю себя работе над новой ролью, и, как всегда, злится и сердится, потому что ей кажется, что ничего у нее не получается.

— Нет, нет, нет! — металась по квартире Маша, стискивая виски кончиками пальцев. — Не так! Все совсем не так! Это же не то! Гуров! Ну почему я такая дура, а?

— Машенька, ну что ты говоришь! — засмеялся Лев, подходя к жене, и попытался обнять ее за плечи. — Ты замечательная актриса, ты видишь образы глубже и ярче других. Поэтому в театре...

— Да перестань! — оборвала мужа Мария. — Хоть ты-то не начинай. Ты же ничегошеньки не понимаешь в этом.

— Хоть и прожил столько лет с актрисой?

— И это прискорбно. Столько лет прожил и не научился понимать, что...

— Что каждая новая роль у тебя, — перебил ее Гуров, — именно с этого и начинается. Причем из года в год. Ты даже одними и теми же словами говоришь: «Не так, все совсем не так». И еще: «Ну почему я такая дура?»

— Гуров, сядь по-хорошему, — указала Мария на диван и строго свела брови к переносице. — Мне нужны глаза зрителя, я не могу так абстрактно играть. Сядь и молчи!

Гуров послушно уселся на диван, закинул ногу на ногу и заложил за голову руки. Он приготовился терпеливо изображать зрительный зал и реагировать глазами на малейшие изменения интонаций ее голоса. И Маша снова начал свой монолог, в котором пыталась доказать собеседнику-мужчине, что любовь — это не химия, а возвышенное чувство, основанное в первую очередь на эмоциональном. Гуров не особенно любил современные пьесы и современные постановки, предпочитая классику. Но Маше этого говорить не следовало.

— Вы поймите, — убежденно заявляла героиня Маши, сжимая кулачок на груди, —

что любовь — это прежде всего полет. Человек, не способный летать, не сможет так же любить. А любить и ползать по земле просто невозможно. А вы говорите, что это химия. Вот послушайте!

Любить так сладко и так больно...
В ночной терзаемой тиши
Ты прикасаешься невольно
К лампадке трепетной души.
И ты плывешь дымком кальяна,
Дурманя чувства и мечты,
В объятьях ласковых обмана,
На крыльях мягких пустоты.

Вы понимаете, сколько противоречивого? Сколько от дурмана чувств в любви? Но ведь не процессов же химии в крови...

Мария снова сорвалась и стала ходить по комнате. Гуров вздохнул и почесал в задумчивости бровь. Ему было очень жалко Машу, с ее терзаниями, с ее самоедством. И ему очень хотелось ей помочь. Он улыбнулся и поднял руку, как школьник за партой:

— Машенька, можно реплику из зала?

— Что? — Мария остановилась и посмотрела на мужа с непониманием.

— Вот сейчас тебе что не нравится? — вкрадчиво спросил Лев.

— То, что мы говорим с ним на разных языках! Я просто не чувствую контакта

с его ролью. С его личностью. А ведь автор, когда писал пьесу, когда писал диалоги, он это чувствовал, иначе бы у него не получилось цельного произведения. А оно есть, я это чувствую, просто не могу найти какой-то нюанс, какой-то штрих, подсказку.

— Маш, скажи, вот те стихи, которые ты сейчас читала, их написал мужчина или автор-поэтесса?

— Мужчина! Ты что, это Лев Даров «О любви»!

— Вот! — Гуров улыбнулся и многозначительно поднял вверх указательный палец. — Мужчина писал, а ты их читаешь как женщина. Ощути разницу!

— Что, что? — с интересом посмотрела на мужа Мария.

— Да, ты пытаешься убедить мужчину, ты читаешь ему как аргумент стихи, которые написал тоже мужчина, но читаешь их чисто по-женски. Мужчина так бы читать не стал. Ты упиваешься красотой эпитетов в стихах, а мужчина всю силу вложил бы в ощущения. Ты помнишь, как читал Пушкина Смоктуновский? Не так, как все, до такой степени не так, что даже меня поразило своим особым видением. А ведь он был мужчиной.

— Гуров! — Маша подошла к мужу и посмотрела ему в глаза: — Ты с каких пор стал разбираться в нашем ремесле?

— Вот как на тебе женился, — гордо заявил Лев, — так сразу и принялся разбираться и учиться понимать, а то ведь...

— Так! — Она приложила палец к его губам, а взгляд ее стал отрешенным и углубился куда-то внутрь себя. — Мне нужен покой, осознание и погружение. А ты, помнится, собирался сегодня сходить в супермаркет и купить творог жене.

— Маша, — развел руками Гуров, — я купил тебе творог еще вчера вечером, когда ехал с работы. Ты так просила.

— Значит, сметану забыл, — отмахнулась жена и повернулась к нему спиной. Похоже, она начала погружаться в роль и к реальности вернется не скоро.

— Ладно, я понял, — хмыкнул Гуров, выходя в прихожую и снимая с вешалки легкую куртку. — Схожу и куплю еще чего-нибудь.

Улыбаясь, он спустился на лифте на первый этаж и вышел на улицу. Ну что же, придется погулять немножко, подышать свежим воздухом. Не так уж часто выпадают вот такие спокойные выходные у полковника полиции. А уж тем более не так часто вы-

падает возможность пройтись неторопливо и посмотреть на свой город взглядом просто одного из его жителей. Не применительно к профессии.

И еще Гуров знал, что Маше нужно не так много времени, чтобы найти определенное равновесие между собой и будущей ролью. Она быстро нащупает точки соприкосновения, а потом будет просто срастаться. Ходить, готовить пищу, разговаривать с мужем и срастаться. Начальный этап у нее всегда такой вот нервный. Лев посмотрел на часы. Ну что же, пара часиков у него есть. Сходить в парк? Там сейчас красиво, настоящая золотая осень, и детвора собирает букеты из листьев. Там просто замечательная аура. И так уютно можно посидеть на лавочке, глядя на детей.

Сунув руки глубоко в боковые карманы куртки, Гуров шел по аллее парка. Шел бесцельно, повинувшись лишь чисто визуальным симпатиям. Вон клен красный, аж полыхает, и он свернул на эту дорожку. Вон молодежь едет на роликах, смеха и шума много, и снова поворот. Он очень любил людей, которые умеют радоваться жизни. А потом Лев услышал музыку. Это было не нечто современное, это была классика танца — медленный фокстрот. Через несколь-

ко минут он уже сидел на лавке в десятке метров от площадки, на которой несколько пар разучивали танец.

Молодая профессиональная пара дала урок, или мастер-класс. На них были костюмы для выступления, они двигались красиво и завораживающе. Когда-то Маша научила Гурова танцевать фокстрот, и они на юбилее одной из ее театральных подруг покорили всех неожиданным выходом.

Музыка играла, потом замолкала, и пара танцоров снова принималась что-то объяснять и показывать своим подопечным. Было приятно видеть, что среди тех, кто учился танцевать, большая часть — молодежь. Значит, подумал Гуров, неистребима все же тяга к истинно прекрасному. Всякая бульварщина приходит и уходит, оставляя о себе память лишь в списке отличий одной молодежной субкультуры от другой. А настоящий классический танец все так же востребован у молодежи.

Сыщик, увлеченный танцами, не сразу обратил внимание, что с танцпола вышла девушка, села на другой конец той же лавки, на которой сидел и он, и принялась вслух ругаться на свои туфли, рассматривая свежую красную ссадинку повыше пятки.

— Вот дура! — ворчала она. — До сих пор не соображаю, куда можно надевать новые туфли, а куда нельзя. Все воскресенье насмарку.

— А вы носовой платок подложите под пятку, — не удержавшись, посоветовал Лев, глядя, как девушка пытается подсунуть платок под задник, — и ранка у вас окажется выше кромки вашей туфли.

— Как это? — живо отреагировала она, с интересом посмотрев на незнакомого мужчину.

— Дайте сюда. — Гуров отобрал у девушки платочек, свернул его и положил в туфлю. — Теперь обуйте. Пятка приподнимется, и ранка будет выше кромки задника.

— И можно натирать следующую? — засмеялась она.

— Обязательно надо натирать, — убежденно ответил сыщик. — Иначе какое удовольствие от новой обуви, если ею ничего не натрешь?

Девушка смеялась очень славно, показывая ровные белые зубки и кончик язычка. Ее карие глаза просто лучились каким-то природным неистребимым оптимизмом. И ямочка у нее была только на левой щеке. Гуров машинально определил возраст девушки в пределах от двадцати шести до

двадцати восьми, а также то, что она не замужем, у нее нет детей, но зато имеется хороший достаток, судя по одежде из дорогого бутика, а главное, по стрижке, макияжу и маникюру. Это все было от хороших мастеров дорогого салона.

Девушка, кажется, тоже рассматривала незнакомого мужчину, оценивая его внешность. Гурову стало интересно, а что она о нем подумала и что там сейчас в ее симпатичной головке кружится. Он не успел прийти к какому-то определенному выводу, как девушка вдруг выпалила:

— Слушайте, вы все равно бездельничаете! Пойдемте со мной!

— Не понял, — опешил Лев. — Куда с вами?

— Танцевать, — снова засмеялась она. — Я же вижу, с каким любопытством вы смотрите на танцпол, а меня оттуда вытурили, потому что у меня партнера нет.

— Вы хотите научиться танцевать?

— А я умею! Ну, почти. То есть основные движения я все знаю, но мне хочется научиться танцевать красиво, как вон они показывают. Это же так обалденно, правда?

— Да, это красиво, — согласился Лев.

— Ну так пойдемте. — Девушка быстро обулась, вскочила с лавки и схватила его

за руку. — В конце концов, вам не сто лет, чтобы просиживать на лавочке, когда можно нормально оторваться.

Гурову вдруг стало весело. Он вдруг подумал, что в этом нет ничего плохого и что вполне нормально, если он потанцует вместе с другими. Гулять так гулять!

— А пошли! — махнул он рукой, решительно поднимаясь.

— Уважаю, — медленно, чуть ли не по слогам произнесла девушка. — Я ваша должница.

Она втащила его на площадку как раз тогда, когда очередные объяснения закончились и педагоги собрались включить фонограмму.

— Вот, я с партнером! — гордо объявила всем девушка и, развернув Гурова к себе, положила ему левую руку на плечо. Затем посмотрела ему в глаза и наконец сообразила спросить: — Слушайте, а вы танцевать-то умеете?

— Время разговоров закончилось, — загадочно произнес сыщик, чуть приподняв локоть партнерши своим локтем и взяв пальцы ее правой руки в свои.

Наверное, она что-то уловила в его глазах и сразу подчинилась. Тут заиграла му-

зыка Мишеля Леграна, и Лев повел свою партнершу в танце. Девушка, мгновенно оценив умение Гурова, послушно двигалась и улыбалась во весь рот, на ее лице были написаны восторг и удивление. На площадке уже никто не танцевал, все только следили за новой парой. Минута, еще минута... и вот Гуров закончил танец в эффектной позиции, изящно склонив спину партнерши на своей руке. Танцпол взорвался аплодисментами.

Они сидели в кафе, расположенном в соседнем доме. Кафе было неуютное, освещение раздражало, и пахло подгоревшим или пережаренным кофе. Но на душе у обоих было тепло и весело.

— Слушайте, а как вас зовут? — спросила девушка. — Вы меня спасли сегодня два раза! Нет, даже три, притащив сюда. А я до сих пор не знаю, кто вы такой. Давайте, рассказывайте, а я пока сниму туфли. Как я завтра встану и что вообще смогу надеть на ноги, кто бы мне сказал...

— Как говорится, любишь танцевать, люби и ноги потом в тазике держать, — пошутил Гуров. — А вообще-то я вас спасу в четвертый раз. Схожу в аптеку за пластырем и тут же вернусь. А зовут меня Лев Иванович.